

Глава 1

Исход в квартире Русинов обнаружил довольно поздно, изрядно натоптав в передней, зале и на кухне. За десять дней без хозяина на пол осел тонкий слой пыли — осталась открытой форточка, — и всякий след на свежелакированном паркете сразу бы бросился в глаза. Однако следов почему-то не было даже в кабинете за плотно закрытой дверью. Русинов несколько раз приседал, рассматривая пыльное зеркало пола, — ни единого отпечатка. Скорее всего, паркет после обыска протёрли и вещи расставили точно так, как они стояли. Но всё-таки допустили единственную небрежность: между стопок журналов на столе обронили маленький пакетик с двумя запасными предохранителями от какого-то японского прибора. Русинов очень хорошо знал, что есть у него в доме и чего нет и быть не может, и потому, случайно заметив эти предохранители, сразу же насторожился: он отлично помнил, как прибирал на столе перед отъездом и что никакого пакетика не видел. Значит, он появился за эти десять дней, пока Русинов был на глухаринной охоте в Вологодской области. Кто-то входил в квартиру и вносил прибор... Какой и зачем? Причём прибор был наверняка упакован, и там, в упаковке, находились запасные предохранители...

Прежде чем обследовать квартиру, он глянул на электро-счётчик и сверил цифры с теми, что были записаны в расчётной книжке, — почему-то «нагорело» пять киловатт, хотя перед отъездом на охоту Русинов отключил холодильник, который мог накрутить счётчик, и заплатил за электроэнергию. Судя по всему, неведомый прибор, побывавший в его квартире, был мощный, и скорее всего, это либо портативная рентгеновская установка, либо лазер...

А если так, значит, в доме был обыск.

Сначала Русинов осмотрел кабинет — книжные полки, письменный стол, подоконник, где пачками лежали научные журналы, — и обнаружил ещё несколько примет: выцветшие или пожелтевшие на солнце полосы на обложках оказались спрятанными, а кое-где, напротив, торчали свежие, не тронутые светом уголки. Кто-то рылся в рукописях и материалах, лежащих в ящиках стола, и на самом столе все бумаги были тщательно разложены, может быть, чуть аккуратнее, нежели Русинов раскладывал сам. Тот, кто делал обыск, прекрасно знал характер и поведение хозяина квартиры и, конечно же, располагал информацией, куда и насколько он уехал, и потому работал неторопливо, со знанием дела. В доме побывала Служба, а не вору, и это обстоятельство ещё больше встревожило Русинова. Если для негласного обыска сюда притаскивали рентгеновскую установку, значит, искали тайники, но поскольку их найти не смогли — ибо таковых в квартире не существовало, а в бумагах тоже ничего интересующего Службу не обнаружили, — то, возможно, в телефон, в репродуктор или стены вцепили «клопов» и теперь будут слушать...

Самое главное было — понять, чья это Служба и что пытаются добыть. Маловероятно, что контрразведка, — Русинов никаких секретов не продавал, не разглашал и даже в будущем делать этого не собирался, — и на то, что негласный обыск проводили в целях получить какие-то улики против него, тоже не похоже. Чего ради будут собирать компроматериалы, если он уже три года как не работает в Институте, да и самого Института больше не существует в природе, как, впрочем, и той закрытой лаборатории, которой заведовал Русинов, научные же материалы частью уничтожены, а частью переданы в спецотделы Министерства финансов и Госбезопасности. Члены ликвидационной комиссии поставили свои подписи и тем самым сняли всякую дальнейшую ответственность с завлаба за судьбы всех многолетних наработок. Их могут ещё больше засекретить и опустить в бронированные сейфы, а могут при нынешней безрассудной гласности вытащить на свет божий, и все тайны скоро пожелтеют или выцветут на газетных полосах...

Русинов неторопливо разобрал рюкзак, разложив охотничьи принадлежности по своим местам, затем почистил и смазал маузер — короткоствольный карабинчик 22-го калибра, вещь на глухариной охоте незаменимую, — и спрятал его в сейф: теперь до осени... А сам всё мысленно ходил по стопам тех, кто с такой доскональностью обследовал его квартиру, перебирал в памяти те материалы, что лежали в столе и на книжных полках, но ничего крамольного не находил. Искать могли единственное — карту «перекрёстков» и божка — нефритовую обезьянку. Однако это было его собственностью, хотя и относилось к проблемам, которыми когда-то занималась русиновская лаборатория. Карту «перекрёстков Путей» он создал сам и сам же открыл некоторые закономерности этих Путей, причём уже после ликвидации Института, и божок к нему попал тоже после. Да и знают об этих вещах всего два человека в мире — он, Александр Алексеевич Русинов, и бывший сотрудник лаборатории Иван Сергеевич Афанасьев...

Что, если Иван Сергеевич ненароком где-то проговорился? И Служба мгновенно заработала, стараясь выяснить, все ли секретные материалы сдал Русинов во время ликвидации Института? Не оставил ли какие материалы последней экспедиции, незарегистрированные и неучтённые? Может, кое-что нематериальное, не выраженное в письменном отчёте оставил в голове? Разумеется, в голове осталось многое. Лабораторию закрыли внезапно, «на полуслове», сотрудников разогнали — кого на пенсию, кого откомандировали в распоряжение Управления кадров Министерства обороны, предварительно отобрав подписки о неразглашении. Не сдавать же голову в спецотдел вместе с бумагами! В сорок три года полковник Русинов ушёл в отставку, но оставался профессором, доктором наук и считал, что голова ещё сгодится, хотя его приговорили к пожизненной и довольно высокой пенсии. Правда, вне стен закрытого Института ни титулы, ни знания ему особенно негодились, поскольку Русинов образование имел медицинское, но при этом двадцать лет занимался геофизикой, археологией и философией, а докторскую защищал на кафедре социологии. Эта чудовищная гремучая смесь наук годилась, возможно, для далёкого будущего, но никак

не для сегодняшнего смутного дня великих перемен, дня, который замкнулся на себе и не желал думать ни о прошлом, ни о будущем. Но он, Русинов, не мог ликвидироваться «на полуслове» вместе с лабораторией и потому продолжал жить в прежнем режиме и никак не мог вписаться в суматошное «сегодня», целиком погружившись в древность, в доледниковую эпоху, и потому имел прозвище «Мамонт». Однако и прозвище его было известно лишь посвящённым — тем, кто работал в Институте либо каким-то образом имел о нём представление. Он и глухариную охоту-то любил больше за то, что выпадала возможность послушать звуки пения птицы из той эпохи и как бы услышать её голос. И, разумеется, Мамонту было приятнее находиться там, в доледниковой эпохе, или уж, по крайней мере, на грани её, потому что он считал эту эпоху поворотной в истории человечества на Земле. Если вместе с историей сделать поворот, то за ним можно увидеть новую историю, новый Путь, уходящий в будущее, как бесконечная лесная просека. Чтобы проверять свои аналитические конструкции и модели, чтобы в одиночку не заблудиться на многочисленных путях и перепутьях поиска истины, раз в месяц, а то и чаще, Русинов ездил к своему давнему другу и сотруднику Ивану Сергеевичу в Подольск. Афанасьеву уже было под шестьдесят, и работал он в Институте со дня основания, много чего знал и умел, считался хорошим специалистом в области геологии, картографии и астрономии, хотя имел историческое образование. Однако после ликвидации лаборатории Иван Сергеевич сразу же отошёл от дел, успокоился и расслабился. Русинов стал замечать, что ветерана всё больше и больше тянет на воспоминания, ностальгические разговоры о конце пятидесятых, когда Институт работал на дне будущего Цимлянского моря, и в этих воспоминаниях он кое-что пробалтывает — без злого умысла, в порыве тоски по прошлым временам. Однако же иногда вылетало у него такое, что запрещалось говорить даже своим сотрудникам: дружба дружбой, но табачок — врозь...

И теперь Русинов мог подозревать только Ивана Сергеевича: никто другой о карте «перекрёстков» и о нефритовой обезьянке не знал и знать не мог. Что было ещё искать у него в квартире? Тайник у Русинова был, да только не здесь, а на

даче, которая после развода принадлежала бывшей жене Татьяне. У них сохранились нормальные отношения, и Русинов часто приезжал к сыну Алёше — всё лето они вели дачный образ жизни; а зимой он, бывало, забирал сына и уезжал с ним на выходные опять же туда, на дачу, таким образом сочетая приятное с полезным. Чердачная неотапливаемая комнатка, где раньше работал Русинов, как бы оставалась в его владении, и там, среди завалов газет и журналов со всего мира, можно было спрятать всё что угодно. Труднее было с материальными предметами — нефритовой обезьянкой и капсулой с кристаллом КХ-45. Богиню-утешительницу Русинов попросту обмазал глиной, вылепил забавного медвежонка, высушил, раскрасил и слегка обжёг в тигле на слабом огне. Получилась детская игрушка, которую можно поставить куда угодно вместе с другими такими же глиняными птицами, зайцами и весёлыми мужичками. Капсулу с кристаллом он прятал и в мусорное ведро, и в банку с топлёным салом, пока наконец не нашёл подходящего места — спустил на проволоке в смотровой отводок канализационной трубы, на уровень потолка нижней квартиры.

Звонить Ивану Сергеевичу Русинов побоялся, дабы не выказывать, что обнаружил в своей квартире произведённый негласный обыск. Он наскоро сполоснулся в душе, переоделся и поехал в Подольск.

* * *

Иван Сергеевич не ждал Русинова, хотя примерно знал, когда тот вернётся с охоты. Тем более что Мамонт явился на ночь глядя, без звонка, заметно утомлённый дорогой. Иван Сергеевич заподозрил неладное, но виду не показал: его жена, Валентина Владимировна, после выхода мужа на пенсию очень ревностно опекала его и оберегала от бывших сослуживцев. А к Русинову относилась с особым недоверием, ибо он чаще всего приезжал с какими-то делами и беспокойством. Понять её было можно: большую часть жизни Иван Сергеевич мотался по экспедициям, заработал букет соответствующих походным условиям болезней — от радикулита до язвы желудка, но благодаря стараниям жены за три пенсионных года заметно попра-

вился и помолодел. Он, как и Русинов, отпустил бороду, длинные волосы и теперь напоминал сельского священника.

Пока Валентина Владимировна собирала на стол, Русинов позвал Ивана Сергеевича на улицу, в машину, чтобы вручить подарок — полмешка чаги, нарубленной специально для ветерана с вологодских берёз. Иван Сергеевич подарку обрадовался, но сразу же спросил:

— Чего прилетел-то? Не чагу же привёз?

— Вот что привёз, — сказал Русинов и подал пакетик с предохранителями. — Нашёл у себя в квартире.

Иван Сергеевич включил в кабине свет, долго рассматривал сверкающие на ладони детали и наконец заключил:

— Это не лазер и не рентген. Скорее всего, гамма-плотномер. Искали пустоту в стенах, проверяли, каким материалом они заполнены.

— Что бы это значило?

— А хрен их знает, — пожал плечами Иван Сергеевич. — Но я точно знаю: в нашей Службе безопасности такие приборы были только отечественного производства. Японских не покупали — они намного хуже. Хотя при нынешней погоне за иностранщиной всё возможно. Доллары появились — купили.

— Если не купили?

— Значит, у тебя в гостях была не наша Служба, — засмеялся Иван Сергеевич. — Допустим, японская, американская, израильская и ещё из ста двадцати стран мира.

— Очень хорошо! — разозлился Русинов. — Какие-то Службы шарят в моей квартире, как у себя дома! Ну всё, приехали!

— Чего ты возмущаешься? — Иван Сергеевич похлопал его по плечу. — Они теперь по всей стране шарят, как у себя дома! Знаешь, Саня, а ведь подобное уже со мной было. Меня однажды тоже какая-то Служба щупала, в пятьдесят восьмом. Если тогда было можно, то теперь...

Он не договорил, прихватил мешок и пошёл в квартиру. У двери вдруг успокоил, подбодрил:

— Наверняка прибалты у тебя рылись. Их Служба обнагела вконец — людей в России ворует и к себе увозит... Впрочем, ладно, разберёмся...

За столом Русинов рассказывал об охоте, о цыгане, который работает таксидермистом в областном музее и делает прекрасные чучела. Цыгану и отдан был добытый глухарь. Иван Сергеевич, не скрываясь, тосковал от этих рассказов, хотя, кроме рыбалки, ничем больше не занимался, если не считать огорода. Но между делом он о чём-то сосредоточенно думал и, похоже, только ждал, когда закончится ужин и можно будет, уединившись в кабинете, поделиться своими размышлениями. Валентине Владимировне не хотелось оставлять мужчин наедине, и она начала было уговаривать Русинова отдохнуть с дороги, но Иван Сергеевич встал из-за стола и попросил принести чай в кабинет.

— Слушай, Мамонт, — начал Иван Сергеевич, едва Русинов затворил дверь. — С нами, кажется, опять старую шутку проделали. Ну, со мной ладно... А вот с тобой — точно, и со всеми молодыми ребятами Института.

— Что за шутка?

— Ты сказал про обыск — я сразу вспомнил. — Иван Сергеевич развалился за своим столом, как начальник. — Ты же про Цимлянск слыхал? После Цимлянска нас тоже разгоняли...

— Хочешь сказать, Институт не закрывали? — насторожился Русинов.

— Я пока ничего не могу сказать, — уклонился ветеран. — Но зато очень хорошо помню события после Цимлянска. И обыск у меня был, правда, без аппаратуры, но стены простукивали... Цимлянск, Мамонт, у меня всю жизнь из головы не выходит!

Это была старая и странная история, ставшая достоянием ушей всего Института лишь в начале восьмидесятых. Причём рассказывали её уже почти безбоязненно те, кто уходил на пенсию и знал, что уже никак не пострадает. В пятьдесят восьмом году сухопутный отдел «Юго-Восток» работал на дне будущего Цимлянского водохранилища. Гражданские археологи из университета большим скопом раскапывали город Саркел, а профессиональные «гробокопатели», как в шутку называли сами себя сотрудники Института, ползали по степи и искали хазарские захоронения. Одна такая могила тогда потрясла воображение руководства: было извлечено около двухсот килограммов

золота в слитках и серебро в изделиях — тончайшей работы индийские сосуды. Отдел усилили людьми и техникой из других отделов и начали крупномасштабный поиск. Скоро обнаружили ещё одну могилу, где ценностей было примерно столько же. В степь пригнали батальон внутренней охраны, пустили патрули на машинах, на дорогах установили контрольно-пропускные посты — всё якобы потому, что началась эпизоотия — ящур. После того как нашли третью и четвёртую могилы, возникла оригинальная гипотеза, в разработке которой принимал участие и Иван Сергеевич, младший научный сотрудник. Хазария два с половиной столетия держала все торговые пути в Индию и Переднюю Азию, откуда в то время на Русь и в Европу поступали золото, алмазы, бриллианты. Оседлав три мощные реки, три берега трёх морей, Хазария брала огромные налоги с купцов и, конечно же, занималась обыкновенным разбоем и грабежом на этих путях. Эдакое государство-таможня, государство-пират. Князь Святослав разгромил Хазарию, но ни в летописях, ни в арабских источниках не слышать было о сокровищах хазар, по многим соображениям, несметных. Ничего не досталось и гузам — диким племенам, которые после Святослава в поисках добычи сожгли и разорили всё, что горело и разрушалось. Они пытались раскапывать древние курганы, могилы. Но отмеченные какими-либо надгробными знаками захоронения были бедными. После гузов в степи рылись все кому не лень на протяжении многих веков.

Последним из пришедших «гробокопателей» был Гитлер. Специальные команды начинали работать в степи, ещё не обезвредив дороги от мин, не убрав трупы после боёв. У немцев существовала оригинальная версия, основанная на глубоком знании каббалы, согласно которой утверждалось, что все сокровища Хазарии — в могилах белых хазар-иудеев, которых хоронили далеко в степи в тайных местах, не оставляя никаких знаков на земле. И напротив, из могил чёрных, третьесортных хазар создавали своеобразную отвлекающую приманку в виде памятных камней, курганов и склепов. Их-то во все века и разрывали незадачливые кладоискатели. Однако ещё и Святославу было известно, что золото Хазарии хранится в могилах,

ничем не отмеченных, и что могилы эти не просто в беспорядке разбросаны по степи, а имеют ориентацию и форму. Вокруг Хазарии существовал золотой обережный знак в виде каббалистической Змеи, державшей себя за хвост. Видимо, Святослав не очень нуждался в сокровищах, иная задача беспокоила его — прорваться сквозь этот знак, уничтожить сакральные центры паразитирующего государства, поразить и обездвигнуть Змею. И он блестяще её выполнил, ударив не по столице — Итилю, а совершив неясный для непосвящённых, гигантский круг-поход по границам Хазарского каганата, и мощное государство мгновенно развалилось в прах. Похоже, немцы хорошо всё это проработали, но у них не хватило времени, чтобы отыскать хотя бы одну могилу белого хазара и, привязавшись к ней, вспороть брюхо золотой Змеи.

Версия Института целиком основывалась на немецкой гипотезе, и, когда после открытия чёртовой могилы произвели вычисления, используя каббалистические системы чисел, наконец подобрали ключ к хранилищу хазарских сокровищ. У сотрудников Института глаза на лоб лезли, когда геодезист делал промеры и давал точку, где копать. Верили и не верили: недавние расчёты напоминали игру, разгадывание ребусов. Но каждая вскрытая могила тысячелетней давности приводила в шок золотыми слитками, изделиями, драгоценными камнями.

И вдруг пришёл приказ — немедленно прекратить все работы и выехать в Москву. Это в середине лета, в разгар сезона! Все материалы и расчёты изъяли. Институт практически расформировали, оставив единственный отдел — морской. Объясняли такие действия очень просто: мол, хазарское золото — стратегический запас, спрятанный надёжнее, чем во всяком банке, и его следует беречь на самый чёрный день. Иван Сергеевич тогда получил свой орден и несколько лет плывал по Чёрному морю на небольшом, неприметном буксире с водолазным оборудованием и батискафом. Спустя пару лет он случайно узнал от знакомого археолога, который был на раскопках Саркела, что после их отъезда охрану в степи усилили, перекрыли некоторые дороги, и до января какая-то бригада мелиораторов рыла экскаватором шурфы. Причём мелиораторы работали день и ночь.

И однажды этот археолог, стреляный воробей, будто бы заблудившись в степи на машине, проехал по следам странных земляных работ и убедился, что древние захоронения продолжают раскапывать, да так грубо, наспех, будто выполняют план по количеству. Цепочка свежезарытых ям давно уже вышла за пределы ложа водохранилища и уходила куда-то в степь. Археолог, похоже, рисковал, ибо был задержан, долго объяснялся, почему оказался в запретной зоне, и был выпущен после того, как отобрали подписку о неразглашении. Он не знал, что может разгласить, и потому по знакомству пытался выяснить у Ивана Сергеевича, что же копали в степи и кто копал?

Это было новостью для самого Ивана Сергеевича, и сколько бы он ни пытался узнать через своих людей судьбу хазарских могил, никто ничего толком не объяснял. Пока однажды он не встретился и не сдружился с бывшим начальником Третьего отдела Министерства финансов СССР. Вместе лечили радикулит в крымском санатории. Через его руки проходили всё золото и серебро, все алмазы и драгоценные камни, поступавшие в государственную казну. Он прекрасно помнил золотые слитки-лепёхи, которые сдавал Институт после раскопок на дне будущего водохранилища: золото было редкое, необычное. Однако его было немного, и после расформирования Института, естественно, не поступило больше ни грамма. Иван Сергеевич тогда сильно озадачил бывшего начальника, и старый чекист отправился выяснять судьбу хазарского золота. Неизвестно, что ему удалось узнать, потому что при последней встрече он посоветовал Ивану Сергеевичу не соваться в это дело и дружбы больше не поддерживал. А скоро вообще оказался в кремлёвской больнице и потом — на Ваганьковском кладбище.

Похоже, золотая Змея выпустила из своих зубов хвост и уползла прочь.

Институт потом заново воссоздали, одного за другим вернули специалистов. Но странное дело, начался какой-то молчаливый, без сговора, и длительный по времени саботаж. Обжёгшись на цимлянском случае, сотрудники вроде бы и работали рьяно, находили оригинальные решения проблем, упражнялись в лозоходстве, но уже больше никогда не давали таких ре-

зультатов, какие были в Цимлянске. И золото Российской империи, вывезенное Колчаком, продолжало лежать где-то в Сибири. Не поддавались розыску клады царицы чулымских татар. И сокровища варягов, над поиском которых работал Русинов, тоже оставались в земле или на дне озёр.

— С Цимлянском они интересную шутку прокрутили, — повторил Иван Сергеевич. — Концов теперь не найти, люди поумирали, а в архивах, даже в самых закрытых, ничего не найдёшь. Иной раз я сам думаю — а было ли всё это? Не приснилось ли?..

— Но какой смысл им проделывать сейчас с Институтом то же самое? — спросил Русинов, рассуждая. — Мы ничего особенного не нашли, а гипотезы, разработки по «Валькирии» ничем не подкрепляются...

— Как — ничем? — хитровато ухмыльнулся Иван Сергеевич. — А нефритовая обезьянка?

— Она же у нас... И карта «перекрёстков» у нас!

— Потому у тебя в квартире и рылись!

— Утечки информации не может быть, — уверенно заявил Русинов. — Во сне я не разговариваю...

— Погоди, Мамонт. — Иван Сергеевич включил телевизор, прибавил звук и затемнил экран, чтобы не рябило в глазах. — Бережёного бог бережёт... Ты знаешь, где сейчас Савельев? Я его недавно видел.

— Не имею представления, — проговорил Русинов.

Старший научный сотрудник Савельев работал в «Северо-Западном» отделе, в секторе космических исследований суши, занимался гравиметрией и был мало знаком Русинову.

— Вот, не имеешь, — назидательно сказал Иван Сергеевич. — А я имею представление. Он в какой-то коммерческой структуре, причём фирма, как я понял, совместная со шведской. Спрашиваю: а чем занимаешься? Торгуешь? Савельев — дурак, потому даже обиделся. Говорит: чем занимался, тем и занимаюсь. На лацкане у него вот такая блямба висит, фирменный знак. Я сначала внимания не обратил. Ну, полуобнажённая красotka с мечом... А потом читаю: «Валькирия»!

— Ну, это совпадение, — отмахнулся Русинов. — Савельев к «Валькирии» отношения не имел.

— Не имел. А если теперь имеет? Материалы-то мы сдали! А кто ими теперь воспользуется?

— Не станут же их продавать!

— Может, не продавать, — предположил Иван Сергеевич, — а как бы на новой экономической основе создать закрытое предприятие. Шведы денежки вкладывают — наши работают. Барыш — пополам.

— Если так, то это хрен знает что! — возмутился Русинов и вскочил. — Ладно ещё нефть качать! Но открывать за сиюминутные выгоды такие секреты, за какие-то копейки отдавать национальные тайны тысячелетий!.. Не знаю!

— Не шуми, Мамонт, не сотрясай воздух, — успокоил Иван Сергеевич. — Мы же не знаем, откуда были мелиораторы в Цимлянске. Если были, значит, доказали своё право на хазарское золото. А почему бы, к примеру, шведским «мелиораторам» не поискать золота ариев?.. Мы много не знаем в этой жизни, Саня. И вряд ли когда узнаем. Есть государства, цари и президенты, есть границы, территории и национальные секреты. Но есть ещё кое-что, существующее над всеми этими занавесками. Если через «железный занавес» пробираются... «мелиораторы», то уж под теперешнюю короткую юбочку занырнуть — раз плюнуть.

— Ты меня расстроил, Иван Сергеевич, — вздохнул Русинов. — Вернее, добил. Я ехал из Вологды с таким настроением!.. А как бы поколоть Савельева? Кто из наших с ним дружил?

— Из наших — никто, — сказал Иван Сергеевич. — Да и сдался тебе Савельев! Только внимание привлечёшь... Пусть они упражняются с нашими гипотезами, роют материалы. Знаешь, что мне в радость? То, что мы тогда схалтурили на Северном Урале.

— Схалтурили? Первый раз слышу!

Иван Сергеевич засмеялся, прибавил звук у телевизора.

— Это потому, что ты всё-таки больше медик и философ, чем технарь и геофизик. И потому, что ты не прошёл через Цимлянск... Вся электроразведка перевёрнута вверх ногами, понял? Это как слайд: можно так показать, нормально, а можно наоборот. Всё то же самое, но!.. Просто и со вкусом. Захочу я полу-

чить правильное изображение — пересчитаю и получу. Если бы ты прикопался тогда к результатам, я бы тебе выдал верные. Но ты же не прикопался, поверил. Значит, и Савельев поверит, и шведы. Так что их «Валькирия» сейчас стоит вверх ногами. Эх, Мамонт, знал бы ты, сколько мы похалтурили на «Колчаке» в Сибири. Чёрт ногу сломит! Каббала, брат, штука заразная. С неё мы и научились манипулировать числами. Иначе бы все клады, все загадки давно бы вытряхнули из России. И стало бы жить совсем тоскливо...

— Ну ты и вредитель, Иван Сергеич! — засмеялся Русинов. — Тебя бы в тридцатых сразу шлёпнули или в ГУЛАГ упрятали!

— Меня бы и сейчас могли очень просто упрятать, — согласился тот. — И не меня одного... Нас спасало то, что руководили Институтом не специалисты, а варяги. Ты вот всегда злился, когда директора нового присылали откуда-нибудь из штаба, а я этим наказным атаманам радовался. И откровенно сказать, раньше побаивался твоего рвения. Ты за «Валькирию» уцепился, как будто она живая. Ну, думаю, наворотит по молодости. Хорошо, что Институт разогнали, и ты эти свои «перекрёстки» нарисовал дома. Хоть там тоже липа, но идея-то мощная!

— И там липа? — уже возмутился Русинов. — Не может быть! Я сам проверял все расчёты!

— А кто тебе координаты давал? — веселился Иван Сергеевич. — Кто топографию делал? Ты же на мою основу «перекрёстки» наносил? Иди теперь на местность и поищи эти точки.

— Ох ты и гад! — восхитился Русинов. — Такого змея за пазухой грел! Ты мне дай эти поправки-то! Свои халтурные заморочки!

— Дам, — согласился Иван Сергеевич. — И научу, как просто всё пересчитать... Только ты на карту ничего не наноси. В голове держи. Надо — посчитаешь.

Русинов походил по кабинету, восхищённо помотал головой:

— Ну уж обезьянка-то без халтуры! Ты к ней руку не прикладывал!

— Это верно, без халтуры, — подтвердил серьёзно Иван Сергеевич. — Потому береги её и сам берегись. Если и была кака-

я-то утечка информации, то только через ребят, которые делали анализ. Потому им надо срочно запустить липу, и не одну. Может, кого и собьём с толку. Подсунем на анализ какой-нибудь материал с «Юга» и «Востока», пусть голову ломают. И идею «перекрёстков» береги. Ты в десятку с ней попал. И те, кто делал у тебя обыск, это нюхом чувят. И тут бы придумать липу, какую-нибудь полуправду. Но только очень осторожно. Раскусят идею — ничего не спасёт. А мозги они за деньги нынче могут купить. Причём какого-нибудь юнца с лёгким прибабахом. Но могут и тебя пригласить. Так что готовься. Шведские денежки нужно проедать с успехом, но желательно без результатов.

— Я к Савельеву не пойду, — заявил Русинов. — У меня теперь своих забот хватит.

— Поедешь «дикарём»?

— Конечно, поеду! И особенно сейчас, когда такой расклад. — Русинов помедлил. — А ты со мной поедешь? Или...

— Или, Мамонт, или, — вздохнул Иван Сергеевич. — И не потому, что живу поднадзорным... Придётся твой тыл прикрывать. Ты сам поползай по горам, по островам, а я с ними тут поиграю в кошки-мышки. По правде сказать, люблю я это дело... Ты мне ключи от квартиры оставь. Если что, я через неё «мелиораторам» стану помогать.

— Давай махнёмся машинами? — вдруг предложил Русинов. — Мне твой «УАЗ» как раз будет по тем дорогам.

— А тебе своей «Волги» не жалко? — усмехнулся Иван Сергеевич. — Я ведь шоферюга аховый, полгода как за рулём.

— Мне жалко, что ты не поедешь со мной, — серьёзно сказал Русинов. — Когда я один хожу по земле, почему-то всё время тянет оглянуться...

